

Средний американец узнаёт правду

Недавно в Югославии вышла в свет вымышленная Люблинским издательством большая книга — «Юлийская Крайна». Это альбом фотографий и документов с подписями на трех языках — русском, французском и английском. Каждая ее страница повествует о суровой, кровавой борьбе мужественных людей за свое право на жизнь. Она открывается словами маршала Тито: «Наш народ боролся... за лучшую и более счастливую будущность... наших братьев, которые в течение десятилетий страдали под чужеземным ярмом. В этой борьбе наши братья в Петрин, в Словенском Приморье, в Карпачини должны быть и будут освобождены».

Мы перелистываем страницы этой книги, запечатлевшие суровую жизнь народа, не покорившегося фашизму, а сейчас страстно желающего упрочить свою победу. Вот снимок и подпись: «В 1944 году на улице Сиега в Триесте немцы и итальянские фашисты повесили 52 патриота». Рядом другой снимок. Он рисует события послевоенного времени: «Гражданская полиция, составленная из бывших фашистских жандармов (полицейских агентов), карабинеров и членов СС, избивает, задерживает и арестовывает антифашистов». Мы видим злобные лица полицейских в белых касках, распростертые на мостовой тела людей, оглушенных дубинками, видим возмущенные, дышащие гневом лица прохожих. Мы видим панораму похоронной процессии: «Горжественное погребение триестских жертв в марте 1946 года».

Пельза без волнения смотреть на эти картины горькой народной элзиг, зафиксированные объективом фотоаппарата. Такое же чувство испытывают люди, сидящие в зрительном зале Камерного театра на представлении пьесы В. Кожевникова и И. Прута «Судьба Реджинальда Дэвиса». Авторы не называют места, где разыгрываются описанные ими драматические события, но вас ни на мгновение не покидает ощущение точной документированности всего того, что происходит на сцене. Переключая пьесы с действительностью, взятой почти протокольно, настолько очевидна, что кажется, будто театр выхватил из гущи современной жизни кусок сложной, ничем не прикрашенной жизни и перепес его на сцену.

Пьеса В. Кожевникова
и И. Прута „Судьба
Реджинальда Дэвиса“
в Камерном театре

Документальность пьесы «Судьба Реджинальда Дэвиса» сквозит во всем. Один из ее авторов — В. Кожевников побывал в 1946 г. в Триесте. Похороны фашистских жертв, изобразившие в книге «Юлийская Крайна», он наблюдал своими глазами. Советский писатель хорошо разобрался в политической жизни этого уголка Европы. Он увидел, что здесь, как и во многих других местах земного шара, происходит борьба тех двух направлений мировой политики, которые с такой ясностью обозначились в послевоенное время. Реакция, занявшая здесь командные позиции, насилует волю народа, пытается отрезать ему путь к свободе, вызывает к жизни все темное и низкое, гальванизирует фашистские элементы.

Разрешившись на родину, советский писатель опубликовал в «Правде» свои впечатления о Триесте. Многие факты из этих очерков смело, почти без всяких изменений, введены авторами в ткань пьесы. Зритель видит в спектакле пылкого югославского партизана Доминико, бесстрашно распевающего в кафе боевые песни своего отряда, и горячую словенскую девушку Ружичу, пронзенную пулей полицейского и падающую на залитые солпцем камни набережной. Зритель видит на сцене и атамана фашистских банд Джузеппе Кардона, оправданного судом, где заседают его же приспешники, и словенскую фигуру енископа, направляющего полицию на рабочих-антифашистов, и, наконец, вот сам сэр Альберт Бардинг, бывший офицер английской армии, принявший для камуфляжа полунатянутый вид и представляющий здесь хищников лондонского Сити. Рядом с «островным джентльменом» действуют американские офицеры — подполковник Дью и капитан Майфлауэр — «большие и жадные дети», как снисходительно называет их Бардинг — матерый приказчик империалистов. И в этом ки-

пенни политических бурь, в сумятице, где подчас трудно отличить врагов от друзей, где на рынке продается оружие наравне с морскими улитками, где фашисты ведут себя так свободно, словно и не было жестокой войны во имя их уничтожения, где безмятежное солнце равно освещает и злодейство преступников и святые поступки благородных людей. — в этом воловопоте страстей мы видим фигуру капитана Реджинальда Дэвиса — человека, мучительно ищущего свое место в этой раскаленной жизни.

Кто такой капитан Дэвис? Даже по названию пьесы он должен быть ее героем. Но этот герой, по существу, не кто иной, как средний американец, тот самый, который шел за Рузвельтом, призывавшим соотечественников принять участие в разгроме фашизма — врага демократии и мира. Дэвис — тот самый американец, что переплыл океан — правда, значительно позже, чем это следовало сделать, — и с открытым сердцем вступил в борьбу против общего врага всех свободлюбивых народов. «Мы пришли, — восклицает он, — чтобы зашинить от фашизма идею демократии и свободы. Нам стало понятно, что фашизм — угроза не только для Европы, но и для Америки».

Эти слова Дэвис произносит уже после тойны, после того, как он много месяцев провел в горах, где в рядах югославских партизан дрался с противником, а потом лежал в госпитале. Дэвис еще не отдает себе отчета в тех переменах, какие произошли на свете, и даже не подозревает, насколько он прав именно сейчас; утверждая, что фашизм представляет угрозу для Америки. Он относит эти слова к прошлому, к годам войны с гитлеровской Германией. Но с той поры утекло много воды, и Дэвис еще не знает всего, что произошло у него на родине, за океаном. Он верил в своего президента Франклина Рузвельта, но ему еще не известно, что «начертанный им путь, к величайшему прискорбию, умышленно покинут», — как написал в своей книге Эллиот Рузвельт.

Сюжетный ход, о котором мы уже говорили, — то обстоятельство, что Дэвис долгое время был прикован к госпитальной койке и оторван от общественно-политической жизни, позволяет авторам пьесы

очень остро и вполне правдоподобно развивать действие.

Дэвис считал партизан своими друзьями, ему стало дорого знамя отряда — трехцветное с красной звездой, под которым он воевал. Ему близки чувства и мысли храбрых югославов, яростно ненавидящих фашизм. Мир капитана Дэвиса был ясным и прочным. Теперь, когда он спустился с гор и прибыл в этот город на берегу лазурного Адриатического моря, именно теперь, после войны, он стал терять душевное спокойствие.

Что видит он вокруг себя? Его боевые товарищи-партизаны брошены в тюрьмы, Ружича — девушка, в которую влюблен его шофер Джоис, застрелена фашистами среди бела дня. Сэр Альберт Бардинг, которому он, Дэвис, спас когда-то жизнь, цинично предлагает ему грязную деловую комбинацию, где капитану отведена роль плантажиста и тайного маклера английской фирмы, захватывающей промышленность города. Американские солдаты по приказу начальства отнимают у детей буквари, на которых нарисована красная звездочка. Молодеватые танкисты — вчера они дралась против немцев — с тоскливым недоумением вынуждены громить помещения антифашистского союза женщин.

Что происходит? — спрашивает себя Дэвис. Только в последней спешке пьесы он ошупью, шатаясь, уже изгнанный из американской армии за свои демократические убеждения, подойдет к истине. Дэвис, подобно герою пьесы «Русский вопрос» журналисту Гарри Смитту, поймет в конце концов, что существуют две разные Америки... А сейчас он с кличкой Дон-Кихота, которой наградил его сэр Бардинг, и со смятением в сердце наблюдает нестрою, пзментавшую и суровую жизнь города, находящегося под англо-американским управлением.

Заслуга авторов пьесы состоит в том, что судьбу Реджинальда Дэвиса они сумели показать на широком политическом фоне. Им удалось персонализировать сложную борьбу политических идей и отчетливо показать события, характерные не только для того кусочка европейского континента, который они избрали местом действия своих героев, но и для любого уголка освобожденных от фашизма стран, где хозяйничают англо-американские оккупационные власти, распыляющие ватолпую демократию. Очень тонко показаны в пьесе противоречия между пред-

ставителями английского империализма и их американскими партнерами.

Армейского зрителя особенно заинтересуют в пьесе ярко и убедительно нарисованные картины жизни американской оккупационной армии.

Американские солдаты ходят домой. Они не понимают, почему приходят приказы о приведении частей в боевую готовность. Война? Но против кого? Наиболее прозорливые из них многое угадывают. Сержант Барнум говорит: «О того дня, как немецкий осколок просадил мне левое легкое, я стал лучше видеть вот этим, правым глазом. И другие солдаты тоже. Теперь они читают в газетах не одни объявления и не только решают кроссворды».

Итак, мы видим, что пьеса В. Кожевникова и И. Прута остро публицистична. Элементы публицистики неизбежны во всяком художественном произведении, претендующем на общественное значение. Искусство, пропагандирующее передовые политические идеи времени и беспощадно обличающее лживую реакцию, испытывает на себе благотворное влияние самой жизни, становится важным, необходимым народу. Советская драматургия последних лет активно выступила на борьбу с международной реакцией. Талантливый «Русский вопрос» К. Симонова, полный сарказма антиимпериалистический памфлет покойного Евг. Петрова — «Остров мира» и, наконец, «Судьба Реджинальда Дэвиса» — пьеса умная, значительная, написанная на трудную, сложную тему разнобразными, но всегда верными красками. Есть в ней и гнев обличающей сатиры, и хорошие мелодраматические интонации, и реализм высших человеческих чувств. Она не точна по жанру, но четко выраженная, ведущая идея скрепляет ее в единое органическое целое.

Камерный театр (художественный руководитель А. Таиров, режиссер Н. Сухонкал) счастливо уберется от перевода пьесы в бытовой план и смело пошел навстречу ее художественно-публицистическому характеру. Получился спектакль приподнятый, захватывающий зрителя лафосом антифашистской борьбы. Отличны декорации художника Е. Коваленко. Перед нами уходящее вдаль пространство моря, город, исчезающий в воде каменными ступенями улит, знойное лето юга, высокие звезды. Кажется, что и самый воздух некален здесь столкновением противоборствующих сил.

Актерский ансамбль спектакля — неровен. Вполне убедительна Е. Урадова. В ее исполнении Ружича сильный человек. Такая не остановится перед опасностью, свобода народа — это смысл всей ее жизни. Зритель испытывает горячие симпатии к образу, созданному актрисой. Хорош И. Чапалыгин в роли Бардинга. Актер избежал соблазнительно легкой трактовки этого английского колонизатора как трижды палящего злодея. Его Бардинг — настоящий политический бандит, маскирующий свое звериное естество вполне корректными манерами оксфордского происхождения. Удалась Г. Яниковскому роль партизана Доминико. Колоритны привлекающие внимание зрителя фигуры подполковника Дью (С. Пенн), сержанта Дрякера (В. Ганппи), такжиста Барнум (В. Новиков). К сожалению, М. Липина не всегда находит верные тона для спешеческого воплощения образа героя пьесы Реджинальда Дэвиса. Актер толкует свою роль несколько упрощенно. Драматургический материал дает возможность более углубленного выявления черт этого честного американца, бродящего среди руин своих иллюзий и покидающего сцену со словами: «У меня сейчас такое ощущение, будто я должен выполнить чей-то приказ. Да, да... И я знаю, чей. Это приказ президента Рузвельта. Ведь я был в армии Рузвельта, а они заменили ей, предали ее».

«Судьба Реджинальда Дэвиса» в Камерном театре — спектакль большой идейной силы и верного политического звучания. Ощущение уверенности в победе героического славянского народа, продолжающего еще находиться на баррикадах борьбы с фашизмом, усиливается в зрительном зале, когда один из партизан восклицает вслед уезжающему на родину Дэвису: «Истати, Дэвис, когда приедете туда, в свою Америку, не вздумайте говорить о нас, как о страдающих и угнетенных. Мы — сильный народ! Вы были свидетелем, как в этих горах мы раздавили и стерли в порошок немецкую армию. И там уже никто не страшен, тем более теперь, когда мы в Европе — не одни».

Этим полными веры, силы и гордости словами авторы ставят точку в конце своей пьесы, продолжение которой, как продолжение жизни, идет сегодня и будет идти завтра во многих частях мира, где темная реакция пытается наложить верушники на живую идею свободы и демократии.

А. КРИВИЦКИЙ.

Звезда

НОСКА

25 ИЮН. 1947